

УДК 16

АНАЛИЗ ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЗНАЧИМОСТИ ПОНЯТИЯ «ЭПИСТЕМА»: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

© 2013 г.

О.В. Колесова

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

kolesovaov@yandex.ru

Поступила в редакцию 11.10.2013

Произведён анализ гносеологической значимости понятия «эпистема». Выделены базовые характеристики понятия «эпистема». Произведён ретроспективный анализ эпистем: ренессансной, классической и современной. Выявлена концептуальная значимость понятия. Определён модус человека, формулируемый понятием «эпистема».

Ключевые слова: эпистема, структура, язык, знак, пространство представления, социоисторическое поле, «форма-Человек».

В связи со смещением исследовательского интереса науки с проблем изучения реальности на проблемы метода изучения, требующие осмысления понятия, используемые в качестве инструментов. Одним из таких понятий является понятие «эпистема».

Понятие «эпистема» было введено М. Фуко в работе «Слова и вещи. Археология гуманитарных наук» [1]. С помощью понятия «эпистема» философ раскрывает своё видение человека. Глубинный замысел книги проясняется благодаря обращению к позиции Ж. Делёза. Мыслитель, находя точки соприкосновения в философии Ф. Ницше и М. Фуко, считает, что одной из них является тема человеческого «Я». В этой связи Делёз комментирует поиск Фуко следующим образом: «...человеческих сил недостаточно, чтобы они образовали господствующую форму, в которой может разместиться человек. Нужно, чтобы силы человека (способность к познанию, желание, воображение и т.д.) соединились с другими силами: тогда из этой комбинации родится великая форма, однако она будет всецело зависеть от природы тех иных сил, с которыми человек окажется связанным» [2, с. 155]. Грядущая форма, по замечанию Делёза, не будет с неизбежностью формой человеческой. Это может быть, к примеру, животная форма, в которую человек будет только воплощаться. Возможна божественная форма, отражением которой окажется человек. Это может быть форма единого Бога, для которого человек будет только ограничением. Определённая «форма-Человек», по мнению Делёза, появилась при особых и весьма «неустойчивых условиях». Событие связано с появлением «новых сил» в XIX веке. Сегодня, по мнению Делё-

за, человек вступил в отношения уже с иными силами (с космическим пространством, с частицами материи, с кремнием в машинах и т.д.). Зарождается новая форма, которая уже не является человеческой.

Полагая, что целью книги Фуко является поиск «формы-Человека», Делёз поясняет, что речь не идёт о конституировании субъекта. Имеется в виду создание модусов существования. Понимание модусов Фуко может трактоваться в соответствии с ницшеанским изобретением новых жизненных возможностей.

В поиске «формы-Человека» М. Фуко задаётся проблемой соответствующего метода, по его выражению, «завора», откуда можно говорить. Это приводит его к отказу от понятийного аппарата кумулятивистского (лат. *simulatio* – увеличение, скопление) подхода [3, с. 325]. Он вводит новые термины и акцентирует своё исследовательское внимание не на историческом видении событий, а на «разрывах», вскрывающих специфику изучаемых эпох, показывающих их взаимную необусловленность.

Анализ гносеологической значимости понятия «эпистема» включает, на наш взгляд, следующие позиции:

- выделение базовых характеристик понятия «эпистема»;
- ретроспективный анализ эпистем: ренессансной, классической и современной;
- анализ концептуальной значимости понятия.

Базовые характеристики понятия «эпистема»

В рамках особой дисциплины – «археологии знания», предполагающей исследование усло-

вий возможности познания, предпосылок формирования познавательного поля той или иной эпохи, Фуко выделяет особое промежуточное поле, находящееся между кодифицированным (лат. *codificatio* – систематизация) взглядом на вещи и рефлексивным (лат. *reflexio* – отражение) познанием. Любая культура, по Фуко, с одной стороны, располагает определённым набором кодов, который управляет её компонентами, процессами (язык, схемы восприятия, культурные обмены и т.д.), определяет для каждого человека в рамках этой культуры эмпирические (гр. *empeiria* – опыт) порядки, в которых приходится ориентироваться. С другой стороны, наука и философия объясняют сущность этих порядков, принципы их возникновения и функционирования. Область исследования «археологии», по Фуко, это промежуточная область между кодифицированным взглядом на вещи и рефлексивным познанием. Между этими удалёнными друг от друга областями есть «сфера», где, по Фуко, культура «освобождается от предписанных ей порядков» и «рассматривает» их с некоторого расстояния, обнаруживая, что они не являются единственно возможными и оптимальными. Таким образом, выявляется, что под спонтанно сложившимися порядками находятся вещи «сами по себе доступные упорядочиванию и принадлежащие к определённому, но невыраженному порядку», короче говоря, что имеются элементы порядка. Эта «промежуточная» область, по Фуко, – наиболее основополагающая, она рассматривается как предшествующая словам, восприятиям и жестам, как «чистая практика порядка и способов его бытия» [1, с. 34]. В зависимости от культур и эпох этот порядок может раскрываться по-разному, но эта область, где раскрываются «способы бытия порядка», предшествует словам и восприятиям, являющимся, по сути, её выразителями.

В данной работе Фуко видит целью выявить, исходя из чего стали возможны «познания и теории», в соответствии с каким «пространством порядка» конструировалось знание; на основе какого исторического *arçioi* (лат. предшествующего) и в стихии какой позитивности (лат. *positives* – положительный) идеи могли появиться, наука – сложиться, опыт – получить отражение в философских системах, рациональности – сформироваться... [1, с. 34].

Центральным понятием в работе становится понятие «эпистема». Эпистема представляет собой исторически изменяющуюся структуру, задающую условия возможности познания, некое историческое априори. Познания, как таковые, в эпистеме, независимо от их «рациональ-

ной ценности или объективности их форм», обнаруживают историю условий их возможности [1, с. 34, 35]. Оценивая характер «непрерывности» европейского знания как «поверхностный», Фуко обращается к «археологическому уровню», где можно исследовать «способ бытия порядка», распределяющего вещи и представляющего их знанию, где обнаруживается, по Фуко, кардинальное изменение «системы позитивностей», обуславливающей характер познания. Фуко выделяет два момента такой трансформации эпистемы европейской культуры: около середины XVII в. и в начале XIX в. Таким образом, по Фуко, в европейской культуре можно выделить Ренессансную, Классическую и Современную эпистемы.

Различные эпистемы, по Фуко, никак не связаны друг с другом, он акцентирует внимание на разрывах, придавая им абсолютную значимость. Фуко постулирует для каждой конкретной исторической эпохи существование специфической эпистемы – «проблемного поля», достигнутого к данному времени уровня «культурного знания», образующегося из дискурсов различных научных дисциплин [1, с. 60]. Дискурсы Фуко трактует как совокупности актуализированных (написанных или произнесённых) высказываний, существование которых подчиняется определённому закономерностям [4, с. 20].

Ретроспективный анализ эпистем

Эпистема XVI в. – Ренессансная выделена Фуко в связи с категорией сходства «мир замыкался на самом себе» [1, с. 54]. Фуко выделяет четыре формы сходства: пригнанность, соперничество, аналогия, симпатия. Они определяют условия, в которых вещи могли бы походить друг на друга. Процесс познания идёт от видимой приметы к тому, что в ней высказывается. Знание, по сути, равнозначно истолкованию. Так категория сходства в значительной степени определяла толкование и интерпретацию текстов. Она организовывала игру символов. Фуко формулирует это как замыкание мира на самом себе. Где земля «повторяет» небо, лица «отражаются» в звёздах, трава «скрывает» в своих стеблях полезные для человека тайны. Это знание ориентируется на форму, а не на содержание, поэтому вмещает в себя эрудицию и магию: оно достаточно строго структурировано, несмотря на кажущуюся неупорядоченность и противоречивость [1, с. 54].

Отсутствие «непосредственного доступа» к вещам выражено в языке, с одной стороны, размещённого внутри мира, а с другой – образующего его часть: вещи «читаются» в процессе

знания, т.е. выступают через язык; язык в свою очередь предстаёт перед человеком как вещь, подлежащая расшифровке [1, с. 71–72]. Процесс знания теперь включает бесконечное комментирование, т.е. над видимым знаковым слоем предстаёт второй слой – комментирующая речь. Потребность в комментарии обусловлена стремлением выявить за читаемым и истолковываемым языком некий первоначальный текст.

Познание вещей, т.е. раскрытие системы сходств, становится возможным лишь в том случае, если знаки образуют на их поверхности связный текст. Но, в свою очередь, знаки эти также являются игрой сходств и отсылают к «бесконечной задаче познания подобия». По Фуко, такое познание имеет избыточный и одновременно абсолютно убогий характер. Его избыточность обусловлена беспредельностью. Комментарий Фуко состоит в том, что сходство никогда не остаётся устойчивым само по себе, каждое сходство значимо лишь благодаря аккумуляции всех других. Чтобы самая поверхностная аналогия была оправдана и выявлена как достоверная нужно обследовать весь мир. Так же как в случае с языком, бесконечность задачи комментария имеет своим пределом дать изначальный текст, так и здесь бесконечная игра подобий вещей природы находит свой предел в категории микрокосма. Фуко трактует понятие микрокосма как указание на существование большого мира, периметром которого намечен предел для всех сотворённых вещей. Следовательно, по другую сторону находится особое существо, воспроизводящее «в своих ограниченных масштабах беспредельный порядок неба, светил, гор, рек и гроз». В реальных пределах этой конститутивной аналогии, по Фуко, разворачивается действие сходств. Подобия, опирающиеся друг на друга благодаря необходимому для них действию знаков, по мнению Фуко, больше не подвергаются опасности исчезновения на неопределённое время. Опираясь друг на друга, они взаимно усиливаются в абсолютно замкнутой сфере. Фуко приходит к выводу о том, что природа как система знаков и сходств замыкается на себе согласно удвоенной фигуре космоса.

Классическая эпистема, возникающая в начале XVII в., связывается Фуко с «грандиозной перестройкой культуры», выраженной в «новой диспозиции» слов и вещей [1, с. 91]. Познание посредством подобия уступает место анализу, осуществляемому в понятиях тождества и различия, т.е. посредством сравнения (меры и порядка). Универсальной наукой меры и порядка является матезис. На основе матезиса появляются новые эмпирические области, специфиче-

ским инструментом которых становится система, анализ богатств, т.е. науки о порядке в сфере слов, форм бытия и потребностей.

Изменяется, по мнению Фуко, сущность знака, который появляется лишь в акте познания и, таким образом, является одновременно и результатом и инструментом анализа. Произвольная, искусственная знаковая система приходит на смену естественных знаков.

Анализировать знаки – значит расшифровывать, что они обозначают. Границы классической эпистемы можно обозначить матезисом (как наукой о вычислимом порядке) и генезисом (как анализом образования порядков). В пространстве между ними располагается область знаков, имеющих ценность как признаки и устанавливающих систему одновременности представлений. В результате утверждается пространство таблицы, в которой вырисовывается «картина тождеств и различий» [1, с. 108–109]. Она является центральным элементом знания XVII–XVIII вв. Именно в этой сфере и располагается естественная история, анализ богатств и всеобщая грамматика, форма которых, по Фуко, выступает наиболее чётко.

В новой конфигурации знания язык, с одной стороны, перестаёт быть «одной из фигур мира». Истина теперь проявляется в процессе непосредственного восприятия, слова уже не являются её приметой, они, если могут, лишь выражают её. С другой стороны, существование языка замыкается на его роли в выражении представления, в результате чего на первый план выходит роль языка в анализе представлений, т.е. «комментарий уступает место критике».

«Новый способ» отношений между словами и вещами обуславливает возможность появления в конфигурации знания естественной истории. Эта новая область знания рассматривает живые существа в их «настоящем виде», в отличие от предшествующего периода, когда история живого существа подразумевала описание всей семантической сети, связывающей его с миром. Естественная история, по Фуко, стремится «сократить расстояние» между словами и вещами, создаваемое представлением, поэтому он определяет её как именование «видимого» [4, с. 162]. Объектом естественной истории оказывается «протяжённость», которую можно выразить следующими переменными: форма, количество, пространственное соотношение и величина элементов [1, с. 164]. Характеристики элемента определяют его структуру, посредством которой видимое может отобразиться в языке: «Благодаря структуре зрительное восприятие полностью переходит в речь, собирающую его воедино» [1, с. 165].

Естественная история должна не только обозначать исследуемые существа, но и «разместить их в таблице тождеств и различий». Существует два способа сравнения элементов в пространстве классификационной таблицы: система (Линней) и метод (Адамсон, Бюффон). Фуко полагает, что, несмотря на существенные различия, система и метод имеют общую эпистемологическую основу, выраженную в том, что возможность познания индивидов реализуется лишь в пространстве упорядоченной таблицы, фиксирующей все различия [1, с. 174].

В контексте общей эпистемологической конфигурации Фуко трактует «фиксизм» и «эволюционизм» непротиворечиво как два «одновременных требования в рамках археологической системы» классической эпохи [4, с. 180].

В этом же контексте рассматривается Фуко возможность существования такой области знания, как анализ богатств. В XVI в. деньги выступали в качестве знаков, измеряющих богатство постольку, поскольку они сами являлись богатством, т.е. они были реальными знаками, несущими в себе действительный признак богатства [1, с. 196]. В классической эпистеме деньги выступают как инструмент представления и анализа богатств; богатство, в свою очередь, выступает как содержание, представленное деньгами. Деньги являются ценными именно благодаря своей функции, а не наоборот. Фуко пишет: «...меркантилизм, если его исследовать на уровне эпистемы, представляется постепенным, длительным усилием включить размышление о ценах и деньгах в прямую цепь анализа представлений» [1, с. 207].

Проводя сопоставление всеобщей грамматики, естественной истории и анализа богатств, Фуко заключает, что они подчиняются одной и той же эпистемологической конфигурации [1, с. 229–230]. Функция стоимости в анализе богатств аналогична функции имени и глагола во всеобщей грамматике и функции структуры в естественной истории. Порядок потребностей и порядок живых существ, какими они предстают для классического опыта, имеют такой же способ бытия, как и порядок представлений, обнаруживаемый в словах. Соотношение же двух противоположных сегментов, позволяющих одновременно обозначать и расчленять, в каждой из эмпирических областей (обозначение и суждение в языке, признак и структура в естественной истории, цена и стоимость в анализе богатств) обеспечивается принципом непрерывности бытия в представлении, который является «метафизически значимым моментом в мышлении XVII и XVIII вв.» [1, с. 233].

Знание классической эпохи развивается, по мнению Фуко, независимо от достижений знания предыдущей эпохи и не в преддверии научных открытий будущего, оно исходит из способа бытия представления: «Язык есть не что иное, как представление слов, природа – представление существ, а потребность – представление потребности» [1, с. 236].

Конец классической эпистемы связан с высвобождением из поля представления дискурсии, живой природы, потребности и появлением новых объектов познания – языка, жизни, труда. Основным способом бытия эмпиричностей, согласно которому они размещаются в пространстве знания, теперь становится история (одновременно и как область знания), а не порядок, как это было в классическую эпоху. В результате этих изменений появляются новые области знания – филология, биология, политическая экономия.

Анализируя причины смены эпистем, Фуко подчеркивает, что они отнюдь не связаны с возрастанием уровня рациональности, совершенствованием моделей формализации, открытием новой темы в культуре [1, с. 277]. Причины этого события кроются в отношении представления к тому, что в нём даётся: «представление потеряло способность обосновывать, исходя из самого себя, те связи, которые могли бы соединить его различные элементы воедино» [1, с. 264]. Вещи замыкаются сами на себе, их внутреннее пространство внешне по отношению к нашему представлению.

Распад пространства представления привёл к возникновению новых форм мысли: об условиях отношения между представлениями (трансцендентальная субъективность как основа синтеза представлений) и об условиях возможности объективного познания живых существ, законов производства, форм языка на основе таких «трансценденталий», как жизнь, труд, язык.

В классической эпистеме основным способом бытия предметов познания было пространство. В нём упорядочивались тождества и различия. В современной эпистеме основной способ бытия – время. Соответственно, история, антропология и конечность развития выступают как внешнее отображение сложившейся эпистемы.

Человек предстаёт как конечное природное существо, вынужденное трудиться, чтобы выжить: «чем прочнее человек утверждается в центре мира, чем дальше он продвигается в овладении природой, тем сильнее давит на него конечность собственного бытия, тем больше он приближается к смерти» [1, с. 284].

Одной из самых главных характеристик современной эпистемы, по Фуко, считается появление в ней человека [1, с. 322]. Знание предше-

ствующих эпох не могло помыслить человека несмотря на то, что уделяло ему привилегированное место во Вселенной. В классической эпистеме, по мнению Фуко, невозможность появления человека объясняется тесной связью бытия и представления. В точке их соприкосновения, там, где встречается природа вообще и человеческая природа, возникает дискурсия, т.е. язык в его способности выражать представления, где вещи «предстают в прозрачности слов».

После «распада единого пространства представления» на «археологическом» уровне становится возможным, по Фуко, появление человека одновременно как познавательного объекта и познающего субъекта [1, с. 334]. Человек необходимо появляется в замкнутом круге, образуемом живыми существами, предметами обмена и словами. Человек подчинён жизни, труду, языку, т.к. познать его можно только через его организм, его слова, производимые им предметы [1, с. 335]. С появлением человека, которого одновременно следует помыслить и познать, в европейской культуре становятся возможными гуманитарные науки. Пространство гуманитарных наук, по Фуко, определяется их отношением к биологии, экономике и филологии: в результате выделяются «психологическая», «социологическая» области и область исследования мифов и литератур [1, с. 375].

С диспозицией гуманитарных наук в эпистемологическом пространстве связан тот факт, что они используют два типа моделей в процессе познания (помимо моделей формализации):

– перенос понятий из другой области познания с целью наглядно представить какое-либо явление, процесс и т.д.;

– модели, заимствованные из биологии, анализа языка, экономики, в роли «категорий».

В проекции на каждую из этих сфер человек выявляется определённым образом – через функцию и норму (биология), конфликт и правило (экономика), значение и система (анализ языка).

На основе этих трёх моделей Фуко предлагает рассматривать историю гуманитарных наук с XIX века. Он пишет о поочерёдном приоритете каждой из этих моделей языка [1, с. 378]. Одновременно с этим происходил сдвиг внутри каждой из этих моделей – от функции к норме, от конфликта к правилу, от значения к системе. До этого гуманитарные науки в области своих исследований всегда выделяли два противоположных полюса. Этот переход обозначается в работах Фрейда, который «первый решительно стёр границу между положительным и отрицательным (нормальным и патологическим, постижимым и непередаваемым, означающим и незначающим)» [1, с. 380].

Современную эпистему Фуко описывает как трёхмерное пространство: «в одном измерении располагаются физические и математические науки, в другом – науки о языке, о жизни, о производстве и распределении богатств, стремящихся к упорядочению прерывных, но сходных элементов; в третьем – философская рефлексия, которая «развёртывается» как мысль о Тожестве» [1, с. 366–367].

Гуманитарные науки нельзя обнаружить ни в одном из этих измерений, они находятся в том объёме, который очерчен этими тремя измерениями, – отсюда сложность задачи определения их места в эпистемологической области. С точки зрения археологического анализа, гуманитарные науки вырисовываются как позитивные конфигурации, которые, однако, не являются науками, что объясняется их особым положением, которое и делает возможным их существование.

Таким образом, человек предстаёт не как объект науки, а как позитивная область знания [1, с. 385].

Анализ концептуальной значимости понятия «эпистема»

Памятуя о том, что смысл предпринятого Фуко исследования состоял в поиске «формы-Человека», можно сделать вывод: в качестве модуса человека или его новых жизненных возможностей выступает «позитивная область знания». Таким образом, игнорируется, на наш взгляд, бытийное измерение человека.

Обращаясь к уже существующей критике М. Фуко, необходимо заметить, что достаточно подробное и всестороннее исследование этой проблемы по работам зарубежных авторов осуществила Н.С. Автономова. Автономовой охвачен круг авторов, затрагивающих проблемы разных планов: философской позиции Фуко, социально-идеологического выражения его концепции, корректности привлечения «великих имён» или малоизвестных авторов, вопросов периодизации культурных стилей, «галлоцентричности» концепции, несистематичности метода. Однако самая главная проблема, к которой в конечном итоге сводятся и философские и методологические споры и споры о фактах, как подчёркивает Автономова, это – проблема человека в истории.

В рамках нашего исследования особую актуальность приобретают мнения учёных, позволяющие понять, каким образом Фуко приходит к пониманию человека как «позитивной области знания». В этой связи значимыми представляются позиции И.П. Ильина, Н.С. Автономовой и В.П. Визгина.

И.П. Ильин фокусирует свое внимание на понимании эпистемы как реализации в речевой практике строго определённого кода [5, с. 60]. Это позволяет увидеть эпистему как социокультурную структуру, в которой язык является структурирующим механизмом. Человек в контексте такого видения не рассматривается как субъект.

Н.С. Автономова трактует эпистему как конфигурацию «археологического» или познавательного поля, имеющую исторический характер [6, с. 20]. Автономова также даёт понимание эпистемы как скрытой структуры сознания, обуславливающей существование отдельных идей [7, с. 143]. Она отдаёт должное попытке Фуко вычленивший общий структурирующий механизм во всех образованиях сознания и культуры. При этом подчёркивает, что абсолютизация Фуко допнятийного уровня, на котором он ведёт своё исследование, ограничивает поиск всеобщих форм структурирования надстроечных содержаний самой надстройкой. На наш взгляд, очень принципиальным и справедливым является мнение Автономовой о том, что более широкий контекст социальных отношений каждой эпохи мог бы существенно упрочить обоснование эпистем. Соответственно, мы можем предположить, что, имея иной контекст для распознавания «формы-Человека», Фуко получил бы другую форму. Думается, позиция Автономовой служит подтверждением нашей мысли о бытийной неполноте образа человека у Фуко.

В своём подходе к понятию «эпистема» В.П. Визгин исходит из основных тенденций структурализма, опираясь на идеи Г. Башляра. В этой связи структура, в трактовке Визгина, включает такие понятия, как «отношение» и «поле». В центре внимания оказывается «структура определённого социоисторического поля», ее разнообразные характеристики. По Визгину, именно «полевой» аспект истории культуры находит своё выражение в концепции эпистем [8, с. 46, 49]. Такая трактовка эпистемы подразумевает анализ истории на безличном уровне. История с позиции эпистемы – это история безличных позиций, занимаемых людьми, вынужденными считаться с этими позициями, подобно тому, как физика занимается анализом различных позиций атомов. Как квантовая механика рассчитывает энергетические уровни, которые могут занимать отдельные частицы, в противоположность классической, исходящей из самой частицы и её свойств, так и историк опи-

сывает позиции, которые субъекты занимают при определённых условиях. Целью историка, согласно Визгину, становится составление целостных диспозиционных карт и определение их динамики в историко-культурном пространстве.

Все приведённые позиции объединяет общая установка: поиск «формы-Человека», реализуемый Фуко, благодаря выделению эпистем осуществляется на безличном уровне.

Человек, в концепции Фуко, – это, по сути, философская рефлексия, а не онтологическая сущность. С точки зрения философа, он появился полтора века назад, и, как показывает археология мысли, конец его, быть может, недалёк. Человек может исчезнуть, «как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке».

Однако под человеком Фуко понимается лишь образ человека, «построенный в промежутках между фрагментами языка».

В результате проведённого анализа можно заключить, что «форма-Человек» у Фуко не является способом описания бытия человека, а лишь даёт нам варианты рефлексии, имевшие место в эпистеме.

Итогом наших рассуждений можно считать следующее: концептуальная значимость понятия «эпистема» заключается в возможности фиксации образа человека через выявление структур, обеспечивающих глубинное родство мыслительных процессов в ренессансную, классическую и современную эпохи в рамках философской рефлексии.

Список литературы

1. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994. 408 с.
2. Делёз Ж. Переговоры. СПб.: Наука, 2004. 234 с.
3. Современный словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 1993. 740 с.
4. Фуко М. Археология знания. К.: Ника-Центр, 1996. 208 с.
5. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М.: Интрада, 1996. 253 с.
6. Автономова Н.С. Мишель Фуко и его книга «Слова и вещи» // Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994. 408 с.
7. Автономова Н.С. Концепция «археологического знания» М. Фуко // Вопросы философии. М., 1972. № 10. С. 142–150.
8. Визгин В.П. Постструктуралистская методология истории: достижения и пределы // Одиссей. Человек в истории. М.: Coda, 1996. С. 39–59.

**ANALYSIS OF GNOSEOLOGICAL SIGNIFICANCE OF THE CONCEPT OF EPISTEME:
THE CONCEPTUAL ASPECT**

O. V. Kolesova

The article presents an analysis of the gnoseological significance of the concept of episteme. The basic characteristics of the concept of episteme are highlighted. A retrospective analysis of Renaissance, Classical and Modern epistemes is performed. The conceptual significance of the concept is identified. The modus of man is defined, as formulated by the concept of episteme.

Keywords: episteme, structure, language, sign, representation space, socio-historical field, Man-Form.